

Лондон, 8 сентября 2012 года, 9:00

Сегодня приблизительно между четырьмя и половиной пятого утра красный «Феррари 458 Италия» врезался в витрину обувного бутика Джимми Чу на Слоун-стрит¹. Свидетелей аварии нет. Столичная полиция сообщила, что двое пассажиров получили ранения — к счастью, несерьезные — и были доставлены в больницу Святой Марии в районе Паддингтон. Имя владельца автомобиля не разглашается в интересах дальнейшего расследования.

Сара Лир, «Лондон кроникл»

¹ *Слоун-стрит* — фешенебельная торговая улица в Лондоне. —
Здесь и далее, если особо не оговорено, примеч. перев.

Пролог

ПЕКИНСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ АЭРОПОРТ

9 сентября 2012 года, 19:45

— **П**огодите-ка, я же лечу первым классом, вот и проводите меня в салон первого класса, — презрительно бросил Эдисон Чэн провожавшему его к креслу стюарду в отутюженной до хруста темно-синей униформе.

— Это и есть первый класс, мистер Чэн, — сообщил тот.

— Минуточку! А где отдельные отсеки? — Эдди был сбит с толку.

— Мистер Чэн, я боюсь, у «Бритиш эйрвейз» нет отдельных отсеков в первом классе¹. Но если позволите, я продемонстрирую вам особые функции вашего кресла...

— Не надо, все нормально! — Эдди швырнул портфель из кожи страуса на сиденье, как раздосадованный школьник.

¹ К несчастью для Эдди, только авиакомпании «Эмирейтс», «Этихад эйрвейз» и «Сингапур эйрлайнс» обустроили частные каюты на своих аэробусах А380. На борту самолета «Эмирейтс» даже есть две ваннные комнаты с роскошными душевыми кабинами для путешествующих первым классом. (Любители заняться сексом в самолете, возьмите на заметку!) — *Примеч. автора.*

Черт возьми, на какие жертвы приходится идти сегодня ради банка! Эдисон Чэн, избалованный «принц частных банкиров», мелькающий на страницах светских хроник Гонконга, которые описывали его умение жить на широкую ногу, его изысканный гардероб, элегантную жену Фиону, фотогеничных детей и благородное происхождение (еще бы, мать Эдди — Александра Янг, из тех самых сингапурских Янгов), попросту не привык к подобным неудобствам. Пять часов назад ему не дали закончить обед в гонконгском клубе, запихнули в самолет, принадлежавший компании, и отправили в Пекин, где ему предстояло пересесть на этот вшивый рейс до Лондона. Прошло много лет с того дня, когда Эдди Чэн в последний раз с негодованием поднимался на борт обычного коммерческого перевозчика, но в этом убогом самолете летела миссис Бао, и ей нужно было угодить.

Но где же она? Эдди ожидал увидеть ее в соседнем кресле, однако старший бортпроводник сообщил, что в салоне нет дамы с таким именем.

— Нет-нет, она должна быть здесь. Вы можете проверить список пассажиров? Сделайте же хоть что-нибудь! — настаивал Эдди.

Через несколько минут он уже добрался до тридцать седьмого ряда экономкласса, где на месте Е, зажатая между двумя пассажирами, сидела миниатюрная женщина в белой водолазке из тончайшей шерсти ламы и в серых фланелевых брюках.

— Миссис Бао? Бао Шаоянь? — спросил Эдди на путунхуа¹.

Женщина подняла голову и слабо улыбнулась:

¹ *Путунхуа* — официальный государственный язык в КНР, основанный на произносительной норме пекинского диалекта.

— Вы мистер Чэн?

— Да. Я счастлив с вами познакомиться. Жаль, что мы встретились при подобных обстоятельствах.

Эдди с облегчением улыбнулся. Последние восемь лет он управлял офшорными счетами семьи Бао, однако клиенты были такими таинственными, что он никогда не видел их до сегодняшнего дня. Миссис Бао выглядела довольно уставшей, но была гораздо красивее, чем он предполагал. Алебастровая кожа; большие раскосые глаза, слегка приподнятые к вискам; высокие скулы, которые подчеркивала прическа: черные волосы Бао Шаоянь были стянуты в хвост на затылке. Она казалась слишком молодой, чтобы иметь сына, обучающегося в магистратуре.

— Почему вы здесь? Что-то перепутали? — участливо поинтересовался Эдди.

— Я всегда летаю экономклассом.

Эдди не мог скрыть удивления. Ее муж Бао Гаолян числился среди ведущих политиков Пекина, и более того — он унаследовал одну из крупнейших фармацевтических фирм Китая. Бао были не просто постоянными клиентами Эдди — они были клиентами со сверхвысоким доходом.

— Первым классом летает только мой сын, — пояснила Бао Шаоянь, уловив взгляд Эдди. — Карлтон обожает всю эту необычную западную еду, кроме того, как любой студент, мальчик постоянно испытывает давление, и потом, ему всегда нужно все самое лучшее. А я обойдусь. Я не притрагиваюсь к еде в самолете и все равно не могу спать во время долгих перелетов.

Эдди с трудом удержался, чтобы не закатить глаза. *Типичные материковые китайцы!* Все до гроша тратили на своего Маленького Императора и страдали молча. И посмотрите, что получилось! Предполагалось, что

двадцатитрехлетний Карлтон Бао завершает в Кембридже выпускную магистерскую диссертацию, однако вчера вечером он всю подражал принцу Гарри, записав тридцать восемь тысяч фунтов на счет в десятке лондонских ночных клубов, разбил в хлам совершенно новый «фerrари», нанес урон общественной собственности и сам чуть не убится. И это еще не худшее. Хуже всего то, что Эдди настоятельно рекомендовали не общаться подробностей матери.

В общем, не хватало только дилеммы, с которой он столкнулся. Срочно нужно было обсудить планы с миссис Бао, но неужели для этого придется одиннадцать часов мучиться во *втором классе*? Да он скорее готов согласиться на колоноскопию! Господи, а что, если кто-то узнает его? Фотка Эдисона Чэна, втиснувшегося в кресло экономкласса, за считанные секунды станет вирусной. И все же Эдди с неохотой признал: неприлично будет оставить одну из самых важных клиенток в хвосте самолета, а самому перейти в носовой отсек и растянуться там на кресле-кровати, потягивая коньяк двадцатилетней выдержки. Он посмотрел на юношу с рваной челкой, который сидел в опасной близости от миссис Бао с одной стороны, на пожилую женщину, вцепившуюся в бумажный гигиенический пакет с другой, — и внезапно его озарило.

Понизив голос, Эдди сказал:

— Миссис Бао, я, конечно, с радостью присоединился бы к вам, но, поскольку мы должны обсудить некоторые *весьма конфиденциальные* вопросы, не разрешите ли вы организовать для вас место в первом классе? Я уверен, банк будет настаивать, чтобы я пересадил вас туда — за наш счет, безусловно, — и мы сможем поговорить там с глазу на глаз.

— Ну... если банк настаивает... — ответила Бао Шаоянь немного нерешительно.

После взлета, когда подали аперитив и они удобно расположились напротив друг друга на роскошных сиденьях, похожих на стручки фасоли, Эдди не стал терять времени зря и ввел клиентку в курс дела:

— Миссис Бао, я звонил в Лондон как раз перед посадкой. Состояние вашего сына стабильное. Операция по восстановлению пробитой селезенки прошла успешно, и теперь им занимается целая команда ортопедов.

— О, слава богам! — Бао Шаоянь вздохнула, впервые расслабившись, с тех пор как села в это кресло.

— Мы пригласили лучшего специалиста по реконструктивной пластической хирургии в Лондоне — доктора Питера Эшли, — и он будет работать в операционной вместе с ортопедами.

— Мой бедный мальчик! — выдохнула Бао Шаоянь, и глаза ее увлажнились.

— Вашему сыну очень повезло!

— А девушка? Англичанка.

— Девушка все еще находится в операционной. Но я уверен, она выкарабкается, — сказал Эдди, улыбнувшись своей самой очаровательной улыбкой.

Каких-то тридцать минут назад Эдди сидел в другом самолете, припаркованном в частном ангаре в международном аэропорту Пекина, и выслушивал мрачные подробности случившегося. Ситуация сложилась кризисная, поэтому была спешно организована встреча с господином Тином, седовласым начальником службы безопасности семейства Бао, и Найджелом Томлинсоном, главой азиатского отделения банка, в котором работал Эдисон. Двое мужчин поднялись на борт «лир-

джета» сразу после его приземления и вместе с Эдди сгрудились перед ноутбуком Найджела, в то время как его коллега из Лондона делился последними новостями по видеосвязи, используя защищенный канал передачи данных.

— Карлтона только что привезли из операционной. Его потрепало, но на самом деле он пострадал меньше прочих благодаря тому, что сидел в водительском кресле... Подушка безопасности сработала и так далее. Состояние англичанки критическое, она все еще в коме, врачи уменьшили отек мозга, но пока больше ничего сделать не могут...

— А *вторая* девушка? — спросил мистер Тин и, сощурившись, всмотрелся в маленькое всплывающее окошко.

— Нам сказали, что она погибла в аварии.

Найджел вздохнул:

— Она китаянка?

— Похоже на то, сэр.

— Черт, дело-то фиговое! — покачал головой Эдди. — Нужно срочно отыскать ее ближайших родственников, прежде чем они свяжутся с властями.

— Как вообще можно впихнуться втроем в «феррари»? — спросил Найджел.

Мистер Тин нервно вертел телефон на лакированной консоли из орехового дерева.

— Отец Карлтона Бао находится с государственным визитом в Канаде вместе с премьер-министром Китая, и эту поездку нельзя прервать, — сказал он. — Миссис Бао велела оберегать мужа, чтобы до него не долетели даже обрывки разговоров. Никаких намеков на скандал! Господин Бао вообще не должен узнать о погибшей девушке. Вы понимаете? На карту поставлено слишком многое, учитывая его политическую позицию.

Тем более сейчас щекотливый момент: происходит масштабное изменение в руководстве партии, что случается раз в десять лет.

— Конечно, конечно, — заверил его Найджел. — Скажем, что англичанка была его подружкой. А отец пусть считает, что в машине была только одна девушка.

— Зачем мистеру Бао вообще знать о белой девушке? Не волнуйтесь, мистер Тин. Мне приходилось разглагольствовать истории и похуже с богатенькими детишками шейхов, — похвастался Эдди.

Найджел бросил на него предупреждающий взгляд. Банк гордился своей предельной конфиденциальностью, а его коллега распустил язык. Ни слова о других клиентах!

— В Лондоне у нас есть группа тактического реагирования, которой я лично руковожу, и, заверяю вас, мы сделаем все, чтобы замять скандал, — произнес Найджел и обратился к Эдди: — Как вы думаете, сколько потребуется, чтобы уgomонить газетчиков на Флит-стрит?

Эдди глубоко вдохнул, пытаясь быстренько прикинуть сумму:

— Замолчать придется не только прессе. Есть еще полицейские, водители «скорой помощи», персонал больницы, родственники... Надо будет заткнуть рот целой куче народу. Думаю, для начала десять миллионов долларов.

— Как только приземлитесь в Лондоне, везите миссис Бао прямо в офис. Нам нужно, чтобы она подписала документы на снятие средств, прежде чем отвезти ее в больницу к сыну. Интересно, что мы скажем, если мистер Бао поинтересуется, зачем нам такая куча баблa? — размышлял вслух Найджел.

— Просто скажите, что девушке потребовалась пересадка органов, — предложил господин Тин.

— А еще можем сказать, что нужно возместить убытки бутика, — добавил Эдди. — «Джимми Чу» — чертовски дорогая марка, как вы знаете.

Гайд-парк, 2

Лондон, 10 сентября 2012 года

Элинор Янг потягивала утренний чай, продумывая свою маленькую невинную ложь. Она отдыхала в Лондоне с тремя ближайшими подругами — с Лореной Лим, Надин Шоу и Дейзи Фу. После двух дней пребывания с дамами нон-стоп ей отчаянно требовалось провести несколько часов в одиночестве. Поездка должна была отвлечь всех четверых. Лорена приходила в себя после аллергии на ботокс, Дейзи в очередной раз поцапалась с невесткой из-за выбора детского сада для своих внуков, сама Элинор переживала, что ее сын Ники не разговаривает с ней более двух лет. А Надин? Ну, Надин была потрясена новой квартирой дочери.

— Аламак!¹ Пятьдесят миллионов долларов, а я даже в туалете не могу за собой смыть?! — взвизгнула Надин, входя в утреннюю столовую.

— Чего ты хочешь, когда кругом сплошной хайтек? — хихикнула Лорена. — Этот хитрый унитаз хотя бы помог тебе зад подмыть? — Последние слова она произнесла на южноминьском диалекте.

— Нет, лах!² Я махала перед всеми этими глупыми сенсорами — и ничего не произошло! — Расстроенная

¹ *Аламак* — одно из самых популярных восклицаний в Сингапуре, заимствованное из малайского языка, выражает разочарование.

² *Лак* — произносится как нечто среднее между «ла» и «лах», усиливает высказывание сродни частице «же».

Надин плюхнулась в ультрасовременное кресло, которое напоминало груды красных бархатных веревок.

— Не хочу критиковать, но мне кажется, квартира твоей дочки не просто суперсовременная, но и излишне дорогая, — прокомментировала Дейзи, жуя тост с абоном¹.

— Ай-я, она же платит за имя и за место, а не за что-то еще, — фыркнула Элинор. — Лично я выбрала бы квартиру с приятным видом на Гайд-парк, а не на «Харви Николс».

— Вы же знаете мою Франческу, лах! Ей плевать на парк! Она хочет засыпать, глядя на витрину любимого магазина. Слава богу, моя дочь наконец-то вышла замуж за того, кто может покрывать задолженность по кредитке, — вздохнула Надин.

Дамы притихли. У Надин дела шли со скрипом, с тех пор как ее свекор, сэр Рональд Шоу, очнулся от шестилетней комы и перекрыл денежный кран на свободные расходы своей семьи. Ее расточительная дочь Франческа (однажды попавшая в список «Пятидесяти самых изысканно одетых женщин» от «Сингапур татл») не слишком обрадовалась тому, что ей урезали бюджет на наряды, и решила, что лучшее решение — закрутить дерзкий роман с Родериком Ляном (да-да, «Финансовая группа Лян»), не так давно женившимся на Лорен Ли. Общественность Сингапура была взбудоражена, а бабушка Лорен, грозная миссис Ли Юнчэн, нанесла ответный удар и убедила всех представителей старой гвардии в Юго-Восточной Азии закрыть свои двери для Шоу и Лянов. В конце концов жестоко наказанный Ро-

¹ *Абон* — блюдо индонезийской кухни; мелкие кусочки говядины, курятины, рыбы или морепродуктов, обжаренные в кокосовом молоке или соевом соусе со специями.

дерик предпочел приползти на коленях к жене, а не бежать с Франческой.

Оказавшись в опале, Франческа удрала в Англию и быстро поправила свое положение, выскочив замуж за «иранского еврея с состоянием в полмиллиарда долларов» (по данным Кассандры Шан, она же Радио Азия Один). После переезда в дом номер два, Гайд-парк, — непристойно дорогой кондоминиум, построенный при поддержке семьи правителя Катара, — Франческа наконец-то снова начала общаться с матерью. Естественно, это дало дамам повод проведать молодоженов, хотя, конечно, подруги просто хотели поглазеть на широко разрекламированную квартиру и, что еще важнее, пожить в Лондоне на дармовщинку¹.

Пока они обсуждали дневную программу покупок, Элинор начала плести свою маленькую спасительную ложь:

— Я не могу пойти на шопинг этим утром. Встречаюсь с этими ску-у-у-чнющими Шанами. Мне нужно хотя бы один раз увидеться с ними, пока я здесь, иначе они оскорбятся до глубины души.

— Не надо было говорить им, что приедешь, — упрекнула Дейзи.

— Аламак, ты знаешь, что Кассандра Шан узнает рано или поздно! Такое чувство, что у нее встроен какой-то особый радар. Если до нее докатится новость, что я побывала в Англии и не отдала дань уважения ее родителям, то пересудам не будет конца и края. Что по-

¹ Женщины круга Элинор скорее предпочтут разбить лагерь и ночевать по шесть человек в комнате или спать на полу в квартире малознакомого человека, чем тратить деньги на отели. Они же, глазом не моргнув, охотно выложат 90 000 долларов за жемчужную побрякушку во время отпуска. — *Примеч. автора.*

делаешь? Это проклятие — быть замужем за одним из Янгов, — посетовала Элино́р, делая вид, что горюет над своей судьбой.

В действительности, несмотря на то что она была замужем за Филипом Янгом более трех десятилетий, его двоюродная родня — царственные Шаны, как их все называли, — никогда не оказывала ей особых почестей. Если бы Филип притащился с ней, их бы наверняка пригласили в роскошное поместье Шанов в Суррее или, по крайней мере, на ужин в городе, но всякий раз, когда Элино́р приезжала в Англию одна, Шаны отмалчивались.

Что и говорить, Элино́р давно уже не пыталась вписаться в снобистский, замкнутый клан мужа. Зато придуманная ею хитрость могла потушить любопытство подруг, любивших совать нос не в свое дело. Если бы она заикнулась о встрече с кем-то другим, дамы наверняка набились бы в компанию, однако простое упоминание Шанов их отпугнет и они не станут задавать слишком много вопросов.

Итак, ее подружки решили провести утро, пробуя бесплатные деликатесы для гурманов в знаменитых кулинарных залах универмага «Харродс». Ну а Элино́р, облачившись в сдержанный, но шикарный брючный костюм цвета кэмел от швейцарского модного дома «Акрис», спортивное зеленое пальто «Макс Мара» и нацепив на нос ставшие ее визитной карточкой солнцезащитные очки от «Катлер энд Гросс»¹, вышла из шикарного здания на Найтсбридж и прошла два квартала

¹ Элино́р, которая обычно не носила дорогой дизайнерской одежды и хвасталась, что она «начала испытывать усталость от нашумевших брендов еще в семидесятых», приберегла несколько вещей для особых случаев, таких как сегодня. — *Примеч. автора.*

на восток к отелю «Беркли». Там ее ждал серебристый «Ягуар ХЛ», припаркованный перед рядом идеально подстриженных кустов. Элино́р мучил параноидальный страх, ей казалось, что подружки следят за ней, и она быстро огляделась, прежде чем нырнуть в седан и умчаться прочь.

На Коннот-стрит в Мэйфере Элино́р остановилась перед шикарным рядом таунхаусов. Не было даже намека на то, что скрывается за красно-белыми кирпичными георгианскими фасадами и глянцевыми черными дверями. Она нажала кнопку домофона, и чей-то голос почти сразу отозвался:

— Что вам угодно?

— Я Элино́р Янг, мне назначена встреча на десять утра, — произнесла Элино́р с преувеличенным британским акцентом.

Не успела она договорить, как несколько защелок клацнули и чудовищно толстый мужчина открыл дверь. На нем был костюм в тонкую полоску. Элино́р вошла в светлую строгую прихожую, где привлекательная молодая женщина сидела за кобальтово-синим столиком от «Мезон Жансен». Она мило улыбнулась и сказала:

— Доброе утро, миссис Янг. Придется немножко подождать. Вас вызовут.

Элино́р кивнула. Она хорошо знала процедуру. Дальняя стена представляла собой несколько стеклянных дверей, через которые можно было попасть в частный садик, и Элино́р увидела через стекло лысого мужчину в черном костюме, явно направлявшегося к ней. Толстый швейцар в полосатом костюме подвел ее к лысому господину, сказав просто: «Миссис Янг к мистеру Д'Або». Элино́р обратила внимание, что они оба носили едва заметные наушники. Лысый проводил ее по дорожке со

стеклянным навесом, которая делила дворик пополам, мимо аккуратно подстриженных кустов в соседнее здание — ультрасовременный бункер из черного титана и тонированного стекла.

— Миссис Янг к мистеру Д'Або, — повторил мужчина, и очередной набор замков безопасности открылся.

После короткой поездки на лифте Элинор вошла в богато обставленную приемную «Лихтенберг групп», одного из самых привилегированных частных банков мира. И лишь тогда почувствовала облегчение.

Как и другие азиаты с высокими доходами, Элинор имела счета во многих финансовых учреждениях. Ее родители потеряли значительную часть состояния во время Второй мировой войны, когда были отправлены японскими оккупантами в концлагерь Эндау, поэтому внушили своим детям ключевую мантру: «Никогда не кладите все яйца в одну корзину». Элинор, сколотив собственный капитал, все эти десятилетия не забывала о родительском наставлении. Не важно, что родной город Сингапур превратился в один из самых надежных финансовых центров планеты, — Элинор, как и многие ее друзья, по привычке хранила деньги в разных банках по всему миру, в безопасных хранилищах, название которых предпочитали держать в тайне.

Однако счет в «Лихтенберг групп» был драгоценным камнем в ее короне. Именно этот банк управлял крупнейшей частью активов Элинор, и Питер Д'Або, ее личный менеджер, неизменно обеспечивал ей самую высокую прибыль. По крайней мере раз в год Элинор находила повод приехать в Лондон, чтобы с наслаждением погрузиться в изучение банковской выписки, любезно предоставленной ей Питером. (Вдобавок он напоминал ее любимого актера Ричарда Чемберлена — как же

он был хорош, когда снимался в «Поющих в терновнике»! — и частенько Элино́р, сидя за отполированным до зеркального блеска письменным столом эбенового дерева напротив Питера, представляла его в рясе священника, пока тот объяснял, в какую гениальную новую схему вложил ее деньги.)

Элино́р, ожидая в приемной, в последний раз бросила взгляд на свои накрашенные губы в крошечное зеркальце шелкового футляра для губной помады от Джима Томпсона. Потом рассеянно посмотрела на огромную стеклянную вазу с фиолетовыми лилиями и каллами. Восхитительно! Любуясь ярко-зелеными стеблями, скрученными в плотную спираль, она думала о том, сколько британских фунтов отнимет у нее поездка. На этой неделе сингапурский доллар имел тенденцию к ослаблению, поэтому в данный момент лучше расплачиваться в фунтах. Вчера Дейзи заплатила за ланч, а Лорена накрыла ужин, так что сегодня ее очередь угощать. Три подруги договорились раскошелиться по очереди, пока они будут в Англии. Ведь бедняжке Надин так тяжело живется!

Двойные двери с серебристой окантовкой начали открываться, и Элино́р приподнялась в ожидании. Однако вместо Питера Д'Або вышла какая-то китайка в сопровождении Эдди Чэна.

— Боже мой, тетя Элли! Что ты здесь делаешь? — выпалил Эдди, прежде чем успел прикусить язык.

Элино́р, разумеется, знала, что племянник мужа работает в этом же банке, но Эдди возглавлял офис в Гонконге, и она никак не ожидала увидеть его здесь. Она же специально открыла счет в лондонском филиале, чтобы не сталкиваться ни с кем из знакомых! Повернув к Эдди багровое лицо, Элино́р, запинаясь, пробормотала:

— Ой, привет... Я тут... встречаюсь с одним своим другом за завтраком. — И подумала: «Ай-я, меня застукали!»

— Ах завтрак! — воскликнул Эдди, осознав всю неловкость момента. *Теперь эта манерная сучка откроет у нас счет.*

— Я приехала два дня назад. Мы тут с Надин Шоу... э-э-э... навещаем Франческу, — улыбнулась она. *Теперь вся эта чертова семейка пронюхает, что я храню деньги в Англии.*

— Да-да, Франческа Шоу. Кажется, она вышла замуж за какого-то араба? — поинтересовался Эдди. *А-ма¹ беспокоилась, что дяде Филипу не на что жить. Погодите, вот услышит она про ЭТО!*

— Он иранский еврей, очень привлекательный. Недавно они переехали в квартиру в Гайд-парке, — промурлыкала Элинор. *Слава богу, он никогда не узнает мой шестнадцатизначный номер счета.*

— Вау! Наверное, он хорошо зарабатывает! — воскликнул Эдди с притворным страхом. *Боже мой, мне придется зажарить Питера Д'Або, чтобы добыть ее счет, хотя он вряд ли мне что-то скажет, этот любитель набивных рубашечек.*

— Думаю, он отлично зарабатывает. Он банкир, как и ты, — ответила Элинор.

Она заметила, что китаянка рядом с Эдди занервничала и вместе с тем ей явно было любопытно, кто такая Элинор. Для жительницы материкового Китая она была одета довольно элегантно и сдержанно. Наверное, важная клиентка. Разумеется, Эдди правильно сделал, что *не* представил их друг другу. Интересно, что они оба делают в Лондоне?

¹ Бабушка.

— Надеюсь, ты останешься довольна своим завтраком! — ухмыльнулся Эдди и увел прочь таинственную даму.

Эдди отвез Бао Шаоянь к сыну в реанимационное отделение больницы Святой Марии в Паддингтоне, а затем пригласил ее поужинать в «Мандарин китчен» на Куинсвей. Эдди решил, что хорошая порция лапши¹ может взбодрить клиентку. Но, очевидно, женщины теряют аппетит, когда все время плачут. Шаоянь была совершенно не готова увидеть сына в таком виде. Его голова распухла до размеров арбуза, и везде торчали трубки — из носа, рта, шеи. Обе ноги сломаны, на руках ожоги второй степени, а незабинтованные части тела выглядели так, будто полностью раздроблены, как пластиковая бутылка, на которую наступили. Она хотела остаться с Карлтоном, но доктора не позволили. Время посещения подошло к концу. Никто не предупредил, что все настолько плохо. Почему никто не сказал ей об этом?! Почему мистер Тин промолчал? И где ее муж? Она ужасно злилась на него. Шаоянь бесило, что ей приходится разбираться со всем этим в одиночку, пока благоверный перерезает чертовы ленточки и пожимает руки канадцам.

Эдди ерзал на стуле, пока Шаоянь неудержимо рыдала перед ним. Почему она не может взять себя в ру-

¹ Несмотря на то что ресторан необъяснимо напоминает греческую таверну 1980-х годов, с побеленными сводчатыми потолками, любители азиатской кухни слетаются в Лондон только для того, чтобы насладиться фирменными блюдами «Мандарин китчен» («Мандаринская кухня»). Больше нигде в мире нельзя отведать яйцо, извлеченное на свет вручную, а лапша, тушенная в опьяняющем имбирном соусе с зеленым луком, подается с гигантскими лобстерами, которые ежедневно вылавливаются из Шотландского моря. — *Примеч. автора.*

ки? Карлтон же выжил! Несколько пластических операций — и будет как новенький. Может быть, даже лучше. В умелых руках Питера Эшли, Микеланджело с Харли-стрит, творящего настоящее волшебство, ее сын, вероятно, станет похож на китайскую версию актера Райана Гослинга.

До приезда в Лондон Эдди думал, что сможет все уладить за пару дней и останется время, чтобы примерить новый костюм из весенней коллекции Джо Моргана да прикупить пару ботинок от Джорджа Клеверли. Но в плотине возникла огромная брешь. Кто-то предупредил азиатскую прессу, и журналоги крутились вокруг, яростно вынюхивая, нельзя ли чем поживиться. Нужно срочно встретиться со своим человеком в Скотленд-Ярде. Необходимо связаться по своим каналам с Флит-стрит. Случившееся может стать достоянием общестственности, и у Эдисона нет времени для истеричных матерей.

Все было просто ужасно, хуже не придумаешь, и тут Эдди увидел краем глаза знакомый силуэт. Снова чертова тетушка Элли! На этот раз она вошла в ресторан вместе с миссис Фу, а еще с той теткой, что владела ювелирным домом «Л'Ориент», и безрассудной Надин Шоу. Черт возьми, почему все китайцы, посещающие Лондон, обедают в одних и тех же трех ресторанах?¹ Только этого ему и не хватало для полного счастья — самые известные во всей Азии кумушки-сплетницы стали свидетелями падения Бао Шаоянь! Но подождите! А что, если все не так уж плохо? После этого утра в бан-

¹ Святая гастрономическая троица: «Фор сизонс» — самая вкусная жареная утка, «Мандарин китчен» — вышеупомянутая лапша с лобстерами и «Ройял Чайна» — лучшие димсамы. — *Примеч. автора.*

ке Эдди знал, что тетя Элли кладет яйца в какие-то другие корзинки. Теперь он мог заставить ее сделать что угодно. И сейчас ему нужен тот, кому он может доверять, — чтобы утихомирить Бао Шаоянь, пока он займется решением проблем. Если ее увидят в Лондоне во время изумительного ужина с известными на всю Азию светскими львицами, это пойдет ей на пользу и собьет хищных репортеров со следа.

Эдди встал и подошел к круглому столу посреди зала. Элинор первой заметила приближение племянника и раздраженно стиснула зубы. *Конечно, Эдди Чэн приперся сюда! Этому идиоту лучше не упоминать о нашей утренней встрече, иначе я буду судиться с чертовым банком до посинения.*

— Тетя Элли, ты ли это?

— О боже мой, Эдди! Что ты делаешь в Лондоне? — Элинор удивленно ахнула.

Эдди широко улыбнулся и наклонился, чтобы потрепать ее по щеке. *Боже мой, кто-нибудь, вручите ей уже «Оскар»!*

— Я здесь по делам. Какой приятный сюрприз видеть тебя здесь!

Элинор вздохнула с облегчением. *Слава богу, он подыгрывает.*

— Дамы, вы все знаете моего племянника из Гонконга? Его мать — сестра Филипа, Алекс, а отец — всемирно известный кардиохирург Малкольм Чэн.

— Ой, ну конечно же! Как тесен мир, лах! — восторженно защелкали ее подруги.

— Как твоя мамочка? — нетерпеливо спросила Надин, хотя в жизни не встречалась с Александрой Чэн.

— Очень хорошо. Сейчас в Бангкоке, навещает тетьку Кэт.